

проявляется личность автора-ученого в структуре и содержании их работ – эти вопросы могут стать ориентиром в изучении своеобразия и стереотипности научных текстов не только указанного периода.

Выводы. Таким образом, привлечение достижений современной лингвостилистики к историческому материалу с использованием существующих и новых направлений и методов анализа может дать новый толчок в развитии исторической стилистики.

Литература:

1. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. – М., 1991.
2. Баженова Е.А. Коммуникативно-прагматический аспект научного текста // Словесность и современность: Мат.науч.конф. Ч.2: Лингвистика. – Пермь, 2000. – С.272-294.
3. Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX века. – М., 1974.
4. Бельчиков Ю.А. Стилистика и культура речи. – М., 2002.
5. Виноградов В.В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII – XIX вв. // Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избр.тр. – М.,1978.
6. Кожина М.Н. Функциональная стилистика. – Пермь, 1974.
7. Колесов В.В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. – Петрозаводск, 1990. – С.16-36.
8. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М., 1994.
9. Котюрова М.П. Некоторые принципы формирования индивидуального стиля речи ученого // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2000. – С.113-133.
10. Котюрова М.П. Творческая индивидуальность и цитирование // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2001. – С.244-258.
11. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв./Под ред. М.Н.Кожиной: В 3 т. Т.П. Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь, 1996,1998.
12. Филлин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981.
13. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). – М.: Наука, 1977.

Поступила 05.03.2004 г.

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОЦЕНОЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

О. А. Субботина

В статье обращается внимание на модификацию оценочного компонента имен прилагательных в процессе деривации.

Ключевые слова: мотиватор, дериватор, дериват, оценка, мутация

У статті розглядається модифікація оцінного компоненту прикметників у процесі деривації.

Ключові слова: мотиватор, дериватор, дериват, оцінка, мутація

Attention is devoted to the modification of evaluative component in adjectives through derivation process.

Key words: motivator, derivator, derivative, evaluation, mutation

Исторический опыт народа передается из поколения в поколение и отражается в слове. В. В. Виноградов писал: «Одни и те же названия в разные эпохи обозначают разные предметы и разные понятия. С другой стороны, каждая социальная среда характеризуется своеобразиями своих обозначений. Одни и те же предметы по-разному осмысляются людьми разного образования, разного мировоззрения, разных профессиональных навыков» [6, с. 21]. Некоторые изменения в содержании слов связаны, по нашему мнению, с представлениями того или иного народа о системе ценностей. В языке существуют разные способы отражения ценностного отношения к окружающей действительности, но ярче всего это проявляется на уровне оценочной лексики.

Изучению оценочной лексики посвящены работы Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюновой, В. Н. Телии, Ю. Д. Апресяна, И. А. Стернина, Т. В. Матвеевой и других лингвистов.

Известно, что исследование оценочных слов невозможно без рассмотрения структуры их лексического значения. С точки зрения компонентного анализа, значение слова неоднородно, оно состоит из нескольких макрокомпонентов, основными из которых принято считать денотативный и коннотативный [15]. Денотация – это выражение собственно содержания, основного значения языковой единицы в отличие от ее коннотации, или сопутствующих семантико-стилистических оттенков [3, с. 128].

По мнению И. А. Стернина, оценка может быть как денотативной, так и коннотативной. Денотативная оценка отражается в толковании: *мелкотемье* – «мелкая незначительная тематика». Коннотативная оценка, в отличие от денотативной, не имеет формального выражения. При определении коннотативной оценки может помочь тестовая фраза «и это хорошо (плохо)», которая продолжает толкование: *голословный* – «не основывающийся на фактах», и это плохо [14, с. 6], *любопытный* – «склонный к приобретению новых знаний, пытливый», и это хорошо.

Денотативный и коннотативный макрокомпоненты включают в себя более мелкие фрагменты значения (т.е. семы). Сема содержит конкретные признаки обозначаемого словом явления [15, с. 43-44]. Минимальными компонентами коннотации в лексическом значении слова, считает Л. Г. Бабенко, является информация о личности говорящего, в том числе и о его эмоциональном состоянии, ситуации общения, характере отношения говорящего к собеседнику и предмету речи [4, с. 21].

Наши наблюдения показывают, что в процессе словообразования возможны довольно значительные изменения в лексическом макрокомпоненте мотиватов. Другими словами, наборы сем, формирующих значения мотиватора и мотивата могут существенно различаться. Так, исследования свидетельствуют, что формирование имен прилагательных с суффиксом *-еньк-* (*-еньк-*) может сопровождаться изменением содержания их оценочной семантики. Например, некоторые дериваты с суффиксом *-еньк-* (*-еньк-*) приобретают значения, не свойственные мотиватору [16, с. 60-64]. В связи с этим представляется **актуальным** рассмотреть особенности семантики оценочного прилагательного *хороший* и его деривата *хорошенький*.

Цель работы – показать, что суффикс *-еньк-*, который по традиции считается модификационным словообразовательным формантом, способен к формированию дериватов, приближающихся к мутационному типу производных слов.

Прежде всего необходимо определить понятие о соотношении категории ценности и оценки. Понятие оценки рассматривается не только в лингвистике, но и в философии, этике, эстетике. Например, в Новейшем философском словаре оценка толкуется как «способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта. В ценностном отношении любой предмет находится в отношении к субъекту, т.е. проявляется в аспекте своей аксиологической значимости и в этом смысле всегда потенциально выступает предметом положительной, отрицательной или нейтральной оценки» [8, с. 502]. В Большом энциклопедическом словаре дается следующее определение оценки: «это отношение к социальным явлениям, человеческой деятельности, поведению, установление их значимости, соответствия определенным нормам и принципам морали (одобрение и осуждение, согласие или критика и т. п.)» [5, с. 864].

Таким образом, оценка соотносится с категорией ценностей. В философском аспекте ценности – «это специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека или общества (*благо, добро и зло, прекрасное и безобразное*, заключенные в явлениях общественной жизни и природы). ... По отношению к субъекту (человеку) ценности служат объектами его интересов, а для его сознания исполняют роль повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям» [18, с. 407]. По данным Большого энциклопедического словаря, ценность – «это положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях» [5, с. 1330].

Как видно, ценности относятся к бытию, а оценка – к сфере сознания. Оценка формируется как результат освоения и маркирования ценностей, что фиксирует их аксиологическую значимость.

Теории оценки посвящены работы многих авторов. Например, А. А. Ивин в структуре оценки выделяет четыре «компонента»: субъект, предмет, характер и основание. Под субъектом (субъектами) некоторой оценки понимается лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки [7, с. 21]. Предметы оценок – это те объекты, которым приписываются ценности [7, с. 22]. Характер оценки дифференцирован в зависимости от того, является ли эта оценка сравнительной или абсолютной. Характер абсолютной оценки определяется тем, квалифицирует ли она свой предмет как «хороший», или как «плохой», или же как «безразличный». Характер сравнительной оценки зависит от того, устанавливает ли она превосходство в ценности одного предмета над другим [7, с. 24]. Под основанием оценки автор понимает «ту позицию или те доводы, которые склоняют субъекта к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами».

Другими словами, оценка – это многокомпонентная структура, в которой изменение хотя бы одного из составляющих приводит к модификации ее содержания в целом.

Так, Н. Д. Арутюнова обратила внимание на то, что оценочные прилагательные истолковываются по-разному в зависимости от того, какие категории предметов они характеризуют [2, с. 6]. Например:

хороший совет – это нужная, полезная рекомендация;

хороший врач – специалист, достигший умения в своей профессии;

хороший помощник – человек, образцово выполняющий свои обязанности;

хороший дом – удобный, большой и добротный;
хорошее вино – это марочное и качественное вино;
хорошая живопись – талантливая, профессиональная, написанная мастером.

Наши наблюдения дают основания предполагать, что возможны и другие типы изменения оценки.

Покажем это на примере прилагательных *хороший* – *хорошенький*.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (1990, 1995, 1999) имя прилагательное *хороший* имеет значение «вполне положительный по своим качествам, такой как следует// вполне достойный, приличный// дружеский, близкий// вполне достаточный, большой» [9, с.867]. В Словаре современного русского литературного языка (БАС), в Словаре русского языка (МАС) толкование адекватно *хороший* толкуется более широко: кроме перечисленных значений, выделяются следующие: «доставляющий удовлетворение, удовольствие// полезный, нужный// обладающий большим преимуществом среди таких же// прекрасный// достигший мастерства в своем деле// обладающий положительными моральными качествами (о человеке) [12, с. 620-621; 13, с. 397-398]. Имя прилагательное *хороший* выражает этическую оценку объектов действительности. Однако уже словарные толкования показывают, что спектр этой оценки довольно широкий: оценочное значение каждый раз обусловлено целесообразностью использования того или иного предмета, например:

С нами хорошая карта: мы все знаем: где едем, какие реки, какие села (М. Пришвин) [12, с. 620]

или отношением говорящего к объекту:

Человек он действительно хороший, благородный (А. Чехов) [12, с. 621].

Хорошая карта предполагает наличие подробного плана местности, *хороший человек* – это не чья-либо объективная характеристика, а субъективное мнение окружающих людей. По-видимому, ряд признаков, которые включает в себя адекватив *хороший*, может быть продолжен.

Такая расплывчатость значений, по нашему мнению, дает основания говорить о семантической опустошенности оценочного прилагательного *хороший*. Иными словами, его денотативный макрокомпонент включает собственно оценку.

Рассмотрим, как это значение трансформируется в деривате *хорошенький*. Семантические границы производных слов исследовались Г. О. Винокуром, В. В. Виноградовым, М. Докулилом, Е. Куриловичем, Е. С. Кубряковой, В. И. Максимовым и другими лингвистами. М. Докулил выделяет три основных типа производных слов [19]:

- 1) транспозиционные, сущность которых заключается лишь в переводе производного слова в иную, чем производящее, часть речи без изменения лексического значения;
- 2) модификационные, представляющие собой лишь некоторое видоизменение (модификацию) лексического значения производящего слова;
- 3) мутационные – это производные слова, значения которых существенно отличаются от значений производящих слов

Традиционно прилагательные с суффиксами субъективной оценки (*серенький, красноватый*) принято считать модификационными дериватами [14, с. 50]. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (1990, 1995, 1999), Словаре современного русского литературного языка (БАС) и Словаре русского языка (МАС) производное слово *хорошенький* выделено в отдельную словарную статью и определяется как «то же, что миловидный» [10, с. 865; 11, с. 866; 9, с. 867; 12, с. 620; 13, с. 397]. Описание значения в толковых словарях говорит о значительном расхождении в семантике мотиватора *хороший* и мотивата *хорошенький*. *Хорошенький* – это новое оценочное слово, которое характеризует внешний вид человека.

Он (Левушка) был взволнован и торжеством русской великой княжны, и тем, что сидит один на один с хорошенькой, давно нравившейся ему девушкой (М. Воконский)

или предмета:

– *Очень экономно, смотри, какие у нас аппаратики хорошенькие, в чехольчиках, вот тут специальный зажим есть, чтобы на поясе крепить* (Д. Донцова).

В прилагательном *хорошенький* суффикс -еньк- конкретизирует семантические границы производного слова. «Плавающее» значение мотиватора *хороший* является, по нашему мнению, лишь фоном для формирования оценочного значения деривата *хорошенький*. В процессе словообразования семантика мотивата существенно изменилась, что повлекло за собой смену аксиологической сферы оценивания.

Наблюдения многих исследователей показали, что в речи значения оценочных прилагательных, описывающих внешность, не релевантны. Так, Н. Д. Арутюнова отмечает, что такие прилагательные, как *хорошенький, привлекательный, миленький, славный, миловидный*, обычно характеризуют девушек, женщин, а также детей [1, с.487]. Этого нет в толкованиях, но отражается в иллюстрациях. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (1990, 1995, 1999):

Хорошенькая девушка [9, с. 867; 10, с. 865; 11, с. 866];

Пани Анна стояла позади супруга, такая хорошенькая, беленькая, с приподнятым носиком, удивленными глазками (А. Толстой) [13, с. 397];

В словаре современного русского литературного языка (БАС):

[Илье Ильичу] только *семь лет*. Ему легко, весело. Какой он *хорошенький*, *красенький*, *полный!* (И. Гончаров) [12, с. 620].

Прилагательное *хорошенький*, характеризующее внешность девушек и женщин, имплицитно маркирует и их возраст. Хорошенькой чаще называют молодую женщину:

Аркадий Аполлонович помещался в ложе с двумя дамами: пожилой, дорого и модно одетой, и другой – молоденькой и хорошенькой, одетой попроще (М. Булгаков).

Это, на наш взгляд, может говорить о том, что при оценке внешности женщины параметр «возраст» учитывается наряду с ее другими объективными эстетическими характеристиками. «Хорошенькая» внешность предполагает молодой возраст. Ср.: **хорошенькая пожилая женщина*.

По-видимому, функционирование адектива *хорошенький* сопровождается наведением сем «детская внешность», «внешность девушки/ молодой женщины». При сочетании с существительными, обозначающими лица мужского пола, имя прилагательное *хорошенький* приобретает пейоративную коннотацию, и даже может привести к коммуникативному провалу.

Атрибуты эстетической оценки, применяемые для характеристики мужчин, значительно отличаются от тех, которые применяются для характеристик женщин. Об этом пишет Н. Д. Арутюнова: «прилагательные, характеризующие женскую красоту, описывают, преимущественно, внешний облик женщины. Красота мужчин в большей мере учитывала их социальный статус, свойства характера и динамику поведения» [1, с. 485].

Возможно, это связано с существованием социального представления о «хорошеньком мужчине» как об эстетическом «антиидеале» мужчины. Например:

Платов: Видал, каков? Двадцать два года, а успел и за Бонапартом погоняться, и боевой крест заслужить. – Красавчик, – неопределенно ответил *Иловайский*. Мужчине не обязательно быть красавцем, приятнее, если тебя называют интересным, но уж лучше быть последним уродом, чем ходить в хороших. Хорошенький мальчик! Трудно выдумать что-либо оскорбительней. От этого не спасает ни высокий рост, ни широкие плечи, ни крепкие мускулы (Г. Семенихин).

Прилагательное *хорошенький* приобретает семантику неодобрения и иронии, которая в словарном толковании этого слова отсутствует.

Дериват *хорошенький* может быть отнесен к «прагматическим «полуфабрикатам»: реальное функционирование коннотативного компонента – это его актуализация в высказывании [17, с. 108]. По мнению В. Н. Телии, возможно, наметилась тенденция к выявлению в речи еще одного типа социально значимых коннотаций [17, с. 127], которые не закрепляются за конкретным значением слова, а интерпретируются в тексте. Одна из них – гендерно маркированная коннотация, возникающая при эстетической оценке мужчин и женщин.

Выводы. Таким образом, мы можем говорить о том, что:

1) адектив *хорошенький* относится к мутационному типу производных слов. При этом суффикс *-еньк-* конкретизирует семантику прилагательного, что влияет на изменение характера его оценки;

2) лексическая конкретизация корректируется наведением сем: «женскость», «молодой возраст», источником возникновения которых являются патриархатные ценности.

Литература:

1. Арутюнова Н. Д. Мужчины и женщины: конкурс красоты// Wiener Slawistischer Almanach. – Sonderbrand 55 (2002). – P. 483-499.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 605 с.
4. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 184 с.
5. Большой энциклопедический словарь. – М.: БРЭ; СПб: Норинт, 1999. – 1434.
6. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
7. Ивин А. А. Основания логики оценок. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 230 с.
8. Новейший философский словарь. – М.: Изд-во В. М. Скаун, 1998. – 896 с.,
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка/ Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1990. – 925 с.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка/ Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1995. – 930 с.
12. Словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы. – Т. 4.: С – Я. – 800 с.
13. Словарь современного русского языка: В 17-ти т. – М.; Л., 1965. – Т. 17.: Х – Я. – 2 126 с.
14. Стернин И. А., Флекенштейн К. Практикум по лексикологии современного русского языка. – Галле, 1989. – 56 с.
15. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.
16. Субботина О. А. // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 31 (ноябрь). – С. 60-64.
17. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
18. Философский словарь/ Под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1980. – 444 с.
19. Dokulil M. Tvoreni slov v cestine. 1. Teorie odvozovani slov. – Praha: CAV, 1962. – 263 s.